

Политическая экономия и правовое обеспечение цифровых платформ: сотрудничество и конфликт*

А. Д. Рудоквас, А. Н. Терехов, С. Л. Ткаченко

Для цитирования: Рудоквас А. Д., Терехов А. Н., Ткаченко С. Л. Политическая экономия и правовое обеспечение цифровых платформ: сотрудничество и конфликт // Правоведение. 2025. Т. 69, № 1. С. 150–175. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.108>

Статья рассматривает феномен становления и развития цифровых платформ как зарождающегося пространства сотрудничества и конкуренции структур частного бизнеса и государственного управления в различных уголках планеты, прежде всего в Европе, Северной Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе, и правовые проблемы обеспечения данного процесса. Авторы выделяют два подхода к определению цифровых платформ: функциональный и политico-экономический. В рамках первого объектом изучения являются экономические, социальные и политические взаимодействия, возникающие вследствие цифровой трансформации различных отраслей экономики. Второй, политico-экономический, подход в качестве объекта исследования определяет пространство взаимодействия власти и бизнеса, в рамках которого для обеспечения технологического суверенитета и защиты экономических интересов отдельного государства или межгосударственного интеграционного объединения используются находящиеся в распоряжении структур государственного управления и/или национального бизнеса информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ). В современную эпоху и на достаточно долгую историческую перспективу обеспечить необходимые условия для решения задач создания и развития цифровых платформ способны лишь суверенные государства, их структуры управления. Они обладают не только ресурсами, которых зачастую нет для достижения этих целей у частного бизнеса. В распоряжении правительства есть законное право действовать в сфере высоких технологий в высших интересах национальной безопасности, а также сила всей государственной машины, способной добиться поставленной цели, даже несмотря на сопротивление оппонентов или открытых противников. Формирование международной системы цифровых платформ невозможно без ясно выраженной политической воли суверенных государств. Их сообществу характерна иерархическая структура, при этом у отдельных стран, признанных международным правом суверенными, нет права вето на глобальные проекты, к числу которых относятся пронизывающая всю мировую экономику индустрия ИКТ и формирующие ее «снизу вверх» цифровые платформы. Три крупнейшие современные цифровые платформы (европейская, американская и китайская) строятся на различных политico-правовых основаниях, поэтому их взаимодействие является сочетанием сотрудничества и конфликта.

Рудоквас Антон Дмитриевич — д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0001-5905-6058>, a.rudokvas@spbu.ru

Терехов Андрей Николаевич — д-р физ.-мат. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, <https://orcid.org/0000-0003-2648-9097>, a.terekhov@spbu.ru

Ткаченко Станислав Леонидович — д-р экон. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, <https://orcid.org/0000-0003-4668-0198>, s.tkachenko@spbu.ru

*Интегральной частью данной статьи стали выступления А. Д. Рудокваса и С. Л. Ткаченко 1 июля 2022 г. на круглом столе «Правовые аспекты организации гражданского оборота с использованием цифровых платформ» X Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ) 2022 г.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Первое преобладает, когда рассматриваемые ниже три платформы дополняют друг друга и используются для выстраивания взаимовыгодных цепочек добавленной стоимости. А конфликты возникают тогда, когда эти платформы вступают во фронтальное столкновение из-за продвижения собственных уникальных технологий, а также при разделе рынков в других частях планеты.

Ключевые слова: цифровая платформа, ИКТ-индустрия, «новая нормальность», интеллектуальная собственность, персональные данные.

Введение

Вопрос о том, в каких политико-экономических и правовых формах в ближайшие десятилетия будет развиваться межгосударственное сотрудничество в цифровой экономике, остается одним из актуальных для социальных наук, но пока не имеющих удовлетворительного решения. Данная сфера характеризуется уникальными особенностями¹, поэтому традиционные формы политico-правового регулирования отношений, конкурирующих за ресурсы и влияние держав, в ней применяться не могут. В цифровой сфере экономическая мощь бизнес-структур (капитализация компаний, объемы продаж, расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее — НИОКР) многократно превышает суммарные бюджетные расходы правительства, ежегодно направляемые на связанные с вопросами государственного управления и обеспечения военной безопасности задачи.

Глобальная природа индустрии информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ-индустрии) меняет как структуру производства, так и социальную структуру в затронутых ею государствах. Неспособность системы профессионального образования Соединенных Штатов Америки (далее — США) обеспечить быстро растущую информационную отрасль экономики конкурентными по компетенциям и уровню заработной платы кадрами привела к тому, что за период 1998–2021 гг. растущий дефицит во внешней торговле привел к потере 5 млн рабочих мест и закрытию около 70 тыс. американских компаний². Нарасставшая деиндустриализация США вызвала подъем экономического национализма в период первого срока администрации Дональда Трампа³, а также принятие в 2022 г. администрацией Джозефа Байдена серии законов, направленных на репатриацию производственных капиталов⁴. Эти меры уже привели к разногласиям внутри «атлантического сообщества» и грозят экономике союзной Вашингтону Европы потерей своего индустриального потенциала вследствие переноса производств через океан, на территорию США.

Попытки найти общий для вовлеченных в ИКТ-индустрию объект сравнения, совмещающий в себе сферы интересов частного бизнеса и структур

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкарата; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Yudina T. N. Digital segment of the real economy: digital economy in the context of analog economy // π-Economy. 2019. Vol. 12, no. 2. P. 7–18.

² Khanna R. The new industrial age // Foreign Affairs. 2023. Vol. 102, no. 1. P. 141.

³ Helleiner E. Varieties of American neomercantilism // European Review of International Studies. 2019. Vol. 6, no. 3. P. 7–29; Allison G. How Trump Could Stumble From a Trade War into a Real War with China. Boston, MA: Belfer Center for Science and International Affairs. 2018. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/how-trump-could-stumble-trade-war-real-war-china> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Jenkins J. D., Mayfield E. N., Farbes J., Jones R., Patankar N., Xu Q., Schivley G. Preliminary Report: The Climate and Energy Impacts of the Inflation Reduction Act of 2022 // REPEAT Project. Princeton, NJ. August 2022.

государственного управления по развитию рынка высоких информационных технологий, привели ряд экспертов к развитию концепции цифровых платформ⁵.

Выделим два подхода к определению «цифровых платформ», которые мы склонны характеризовать как функциональный и политico-экономический.

Первый (функциональный) подход наглядно определен в решении Высшего евразийского экономического совета, характеризовавшего цифровую платформу как «систему средств, поддерживающую использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающую возможность их бесшовного взаимодействия»⁶. Следуя данному подходу, объектом изучения становятся экономические, социальные и политические взаимодействия, возникающие вследствие цифровой трансформации различных отраслей экономики: транспорта (UBER, ЯндексGo), гостиничного дела (Airbnb, Booking.com), разработки программного обеспечения (Apple iOS, Google android). Изучение цифровых платформ в рамках этого подхода позволяет прийти к выводу о том, что они превратились в привлекательную стратегию рыночной экспансии, стимулирующую экономический рост в значительном числе отраслей.

В настоящей статье мы исходим из второго (политко-экономического) подхода, а именно определяем цифровую платформу как пространство взаимодействия власти и бизнеса, в рамках которого для обеспечения технологического суверенитета и защиты экономических интересов отдельного государства или группы союзных стран используются находящиеся в распоряжении структур государственного управления и/или национального бизнеса информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ).

Количество цифровых платформ в этом случае определяется числом высоко-развитых суверенных государств или интеграционных объединений, реализующих межгосударственные программы развития сектора ИКТ. Эти программы охватывают весь спектр институтов цифровой экосистемы, а также управленческих решений по поддержке рассматриваемой отрасли. Руководствуясь приоритетами национальной/блоковой безопасности, действия властей и бизнеса направлены на повышение конкурентных преимуществ по отношению к конкурирующим цифровым платформам в других государствах или объединениях.

1. Цифровые платформы: акторы и их миссия

Развитие рынка ИКТ с момента его зарождения и до настоящего момента определяется характером и правилами взаимодействия различных акторов, представляющих законодательную и исполнительную ветви власти, структуры реальной экономики, науки, образования и гражданского общества.

Выделим шесть групп акторов, действующих в сфере цифровых платформ, влияние которых не следует игнорировать или недооценивать.

⁵ Tan B., Pan S. L., Lu X., Huang L. The Role of IS Capabilities in the Development of Multi-Sided Platforms: The Digital Ecosystem Strategy of Alibaba.com // Journal of the Association for Information Systems. 2015. Vol. 16, no. 4. P. 248–280; Kane G. C., Alavi M., Labianca G., Borgatti S. P. What's Different About Social Media Networks? A Framework and Research Agenda // MIS Quarterly. 2014. Vol. 38, no. 1. P. 275–304.

⁶ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». URL: <https://legalacts.ru/doc/reshenie-vysshego-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soveta-ot-11102017-n-12/?ysclid=lulb4qa4sj29602454> (дата обращения: 10.12.2022).

1.1. Программисты

Представители этой профессии создают компьютерные программы, являющиеся мозгом современных технологических платформ, и подразделяются на системных и прикладных программистов. Большинство действующих на рынке информационных технологий компаний попадает в одну из двух категорий: сервисную или продуктовую. Первые из них работают по отдельным заказам, специализируясь на конкретных вертикалях бизнес-процессов, например в областях финансов, автомобилестроения, транспорта и логистики, связи, оптовой и розничной торговли. Вторые, составляющие абсолютное большинство в индустрии ИКТ, создают информационные системы для государства и бизнеса, мобильные приложения, программы для управления различными станками, бухгалтерские системы и т. п.

1.2. Инженеры

Они разрабатывают технические стандарты и использующие их технологии, создают способы физического соединения отдельных элементов в общие информационно-коммуникационные сети, выступающие фундаментом цифровых платформ⁷.

В настоящее время граница между специальностями программиста и инженера постепенно стирается. Ситуация на рынке труда характеризуется острой нехваткой не только высококвалифицированных программистов, но и еще большей нехваткой инженеров, которые могут эффективно вести исследования и разработки с применением информационных технологий. Поэтому все чаще инженеры становятся ИТ-специалистами. Более того, наличие сформировавшихся во времена СССР мощных инженерных школ уже открыло для российского бизнеса отличную перспективу завоевания лидирующих позиций в инженерном аутсорсинге, сформировав рынок интеллектуальных услуг, где новейшие технологии, инжиниринг и программирование будут применяться для создания новых продуктов. Расширение такой практики и ее поддержка со стороны государства позволят нашей стране, наконец, перейти от аутсорсинга к производству собственной высокотехнологической продукции.

1.3. Менеджеры

Представляя как органы власти, так и структуры бизнеса в процессе построения и развития цифровых платформ, менеджеры принимают необходимые управленческие решения, в том числе направленные на формирование и развитие платформ, подготовку и переподготовку специалистов, повышение уровня компьютерной грамотности населения. Основная трудность для менеджеров, работающих в рамках нынешнего этапа конкуренции технологических платформ, состоит в том, что, действуя в потоке событий и новостей сегодняшнего дня, они обязаны предвидеть особенности экономической и социокультурной среды, которой пока еще нет, но которая обязательно возникнет через 10–15 лет. Именно в такой долгосрочной перспективе, которую эксперты Всемирного экономического форума в Давосе называют «Четвертая промышленная революция»⁸, должны

⁷ Weber S., Bussell J. Will Information Technologies Reshape the North-South Asymmetry of Power in the Global Political Economy // Studies in Comparative International Development. 2005. Vol. 40, no. 2. P. 73.

⁸ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.

проявиться ключевые характеристики строящихся сегодня цифровых платформ. Возможно, тогда уже станет ясно, какие цифровые/технологические платформы выжили и развиваются, а какие не выдержали соперничества и уступили место более успешным конкурентам.

1.4. Экономисты

Рассматривая цифровые платформы как инновационную среду, нуждающуюся в устойчивости и комплексном характере развития, экономисты-практики привлекают инвестиции для развития рынка ИКТ, контролируют их оптимальное размещение в соответствии с критериями эффективности и согласно стратегии формирования платформы, учитывающей глобальные тенденции и ситуацию в конкретном государстве (или в интеграционном объединении). При этом традиционный для экономической науки приоритет «эффективности» в ущерб национальным интересам может привести к отставанию в развитии национальной технологической платформы, исходу квалифицированных кадров из системы органов государственной власти, оттоку инвестиций из национальной экономики. Погоня за немедленной выгодой или ориентация на достижение чуждых национальным интересам внешнеполитических целей могут привести к задержкам в построении цифровой платформы, снижению инвестиций в образование и НИОКР, отставанию в формировании нормативно-правовой базы.

1.5. Юристы

Наиболее значимая миссия представителей юридической профессии для рынка цифровых платформ — защита интеллектуальной собственности, создаваемой компаниями в сфере ИКТ. Именно ее контроль обеспечивает акторам мирового рынка в данном секторе возможность получения прибыли и гарантирует их дальнейшее развитие. В экономике цифровых сетевых структур защита интеллектуальной собственности является императивом благополучия компаний и защиты осуществляемых ими инвестиций. Информацию дорого создать, но ее копирование обходится дешево, иногда практически бесплатно. Именно поэтому такие межправительственные структуры, как Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС)⁹, Всемирная торговая организация (далее — ВТО)¹⁰ и Европейский союз (далее — ЕС)¹¹, уделяют защите интеллектуальной собственности на международном уровне приоритетное внимание.

В США в 1998 г. был принят «Закон об авторском праве в цифровую эпоху» (Digital Millennium Copyright Act)¹². Его авторы при разработке данного правового акта учитывали современные технологии, позволяющие в беспрецедентных

⁹ См. главу 52 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза: «Меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, принимаемые таможенными органами» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/9e51f1a82506838a392fefef3cd7947a17697e85/ (дата обращения: 10.12.2022)). Также см.: Шугуров М. В. ЕАЭС: динамика интеграции в сфере интеллектуальной собственности в контексте цифровых трансформаций // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2019. No. 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30405 (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁰ Карпова Н. Н. Интеллектуальная собственность и ВТО // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13, № 2. С. 16–26; Archibugi D., Filippetti A. The globalization of intellectual property rights: Four learned lessons and four thesis // Journal of Global Policy. 2010. Vol. 1, no. 2. P. 137–149.

¹¹ Энгин В. Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. М.: Статут, 2018.

¹² Digital Millennium Copyright Act (DMCA). URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281> (дата обращения: 10.12.2022).

масштабах копировать и распространять информацию, защищенную авторским правом и являющуюся объектом интеллектуальной собственности компаний и отдельных лиц. Распространение практики масштабного копирования не только на программные продукты, но и на произведения музыки, литературы и кинематографа сделало проблему еще более актуальной¹³. Следствием стало пополнение рядов сторонников активизации усилий по защите интеллектуальной собственности за счет могущественных представителей медиийного, развлекательного и кинобизнеса США.

У излишне активной деятельности бизнеса и власти в данной сфере появилось также множество оппонентов. Они утверждают: жесткие меры по защите интеллектуальной собственности приводят к усилению дисбаланса между богатыми и влиятельными акторами рынка, с одной стороны, и бедными, лишенными возможности получить выгоды от развития современных технологий, — с другой¹⁴. Причем в данном случае под «акторами» имеются в виду не только физические лица, но и социальные группы, а также целые государства. Таким образом, чем успешнее действуют юристы, защищая интеллектуальную собственность, тем более острой становится проблема «цифрового неравенства» (*digital divide*)¹⁵.

1.6. Лоббисты

Они формируют благоприятные условия для деятельности представляемой компании, развития сегмента цифровой платформы, в котором данная компания специализируется, а также для национальной высокотехнологической промышленности в целом. Деятельность лоббистов направлена на две группы принимающих решения лиц: 1) на политиков, разрабатывающих проекты законов, голосующих за них в национальных парламентах и принимающих там же государственные бюджеты; 2) на правительственные чиновников и правоохранительные структуры, которые ответственны за имплементацию правовых норм в сфере ИКТ. Лоббисты зачастую стараются убедить правительство и парламент своей страны создать протекционистскую систему, при которой национальные производители при создании цифровой платформы смогут игнорировать иностранных конкурентов. Лоббисты могут побудить национальных регуляторов к созданию инструментов поддержки отечественных производителей, с помощью которых они получат налоговые льготы, преимущества на получение контрактов при размещении государственных заказов, монопольное право на разработку программных продуктов и компьютерных технологий для «чувствительных» сфер государственного управления (оборона, контртеррористические мероприятия, разведка, государственное управление, выборы и референдумы).

В Российской Федерации лоббистская деятельность регулируется федеральным законодательством лишь косвенно¹⁶, в силу исторических причин она не рассматривается как полностью легальная. При этом у большинства заинтересованных игроков (частных компаний, законодателей, структур гражданского

¹³ *Curtis J. M. Intellectual Property Rights and International Trade: An Overview // CIGI Papers. 2012. No. 3. Centre for International Governance Innovation. URL: https://www.cigionline.org/sites/default/files/no.3_0.pdf (дата обращения: 10.12.2022).*

¹⁴ *Dietz Th. Global Order beyond Law. How Information and Communication Technologies Facilitate Relational Contracting in International Trade. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2014.*

¹⁵ *Aissaoui N. The digital divide: a literature review and some directions for future research in light of COVID-19 // Global Knowledge, Memory and Communication. 2022. Vol. 71, no. 8/9. P. 686–708.*

¹⁶ *Филонова И. Р. Правовое регулирование лоббизма в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 309–311. URL: <https://moluch.ru/archive/315/71867/> (дата обращения: 10.12.2022).*

общества) имеется понимание того, что эффективное регулирование лоббизма приведет к большей транспарентности в деятельности всех игроков и росту конкуренции между ними. Повысится уровень юридической культуры, регулирующей отношения компаний индустрии ИКТ между собой, а также их взаимоотношения с органами государственной власти России, особенно с палатами Федерального Собрания Российской Федерации. По мнению Э. Войтенко, генерального директора Общества с ограниченной ответственностью «Байкальская коммуникационная группа», с течением времени именно «лоббисты станут точкой опоры в экспертизе по ряду наиболее чувствительных отраслей, где нарушен диалог между властью и бизнесом»¹⁷. В число таких отраслей мы включаем и цифровые платформы.

2. Роль цифровых платформ в мировой экономике

Цифровые платформы зачастую рассматриваются как явления виртуальные, без четких свойств и границ. Для того чтобы они возникли, а затем стали пространством взаимодействия государств, бизнеса, домашних хозяйств и физических лиц, необходимо построить производственную базу, создать инфраструктуру передачи по проводам и в беспроводном режиме сигналов, запустить в космос спутники связи, согласовать всевозможные технические стандарты. Сегодня и на достаточно долгую историческую перспективу обеспечить необходимые условия для решения этих задач способны лишь суверенные государства, их структуры управления. Они обладают не только ресурсами, которых зачастую нет для достижения этих целей у бизнеса. В распоряжении правительств есть законное право действовать в данной сфере, а также сила всей государственной машины, способной добиться поставленной цели, даже несмотря на сопротивление оппонентов или открытых противников. То есть формирование международной системы цифровых платформ невозможно без ясно выраженной политической воли государств. Их сообщество характерна иерархическая структура, при этом у отдельных стран, признанных международным правом суверенными, нет права вето на глобальные проекты, к числу которых относятся пронизывающая всю мировую экономику индустрия ИКТ и формирующие ее «снизу вверх» цифровые платформы.

Государства — лидеры в данной сфере, в число которых следует включить США и страны — участницы Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР), сумели сформировать глобальный тренд на приоритетное развитие индустрии ИКТ. Она в настоящее время развивается уже помимо державной воли, но при поддержке структур законодательной и исполнительной власти на национальном уровне. Даже если какое-то государство и строит сегодня фаерволы против мировой сети, пытаясь превратить национальные цифровые платформы в своеобразные билльярдные шары, способные сталкиваться, но не сливаться, оценивать эффективность этих попыток нужно скептически. Победа в сдерживании свободного перемещения идей и технологий невозможна, хотя трудности в их транснациональном взаимодействии структуры исполнительной ветви власти отдельных стран создать могут.

Побочным, но очень важным для нашего исследования следствием утверждения цифровых платформ в различных регионах планеты является возрождение

¹⁷ Войтенко Э. Для лоббизма в России нужны понятные правила игры // BCG Total Communications. 2018. November 1. URL: <http://b-c-g.ru/news/yeduard-voytenko-dlya-lobbizma-v-rossii/> (дата обращения: 10.12.2022).

на новом фундаменте школ геополитики и геоэкономики¹⁸. В конкуренции цифровых платформ, помимо традиционных суверенных государств, принимают активное участие многонациональные корпорации и транснациональные движения в разных регионах планеты. А спектр интересов, определяющих развитие новых геополитических и геоэкономических процессов, отражает взгляды и убеждения бизнеса, конфессий, этнических и иных групп, а также структур гражданского общества, включая различные меньшинства.

Цифровая экономика, по мнению автора монографии «Третья волна» Э. Тоффлера, стала ключевым элементом новой формации в развитии человечества — постиндустриального общества¹⁹. Как отметил Уолтер Ристон (W. Wriston), многолетний глава крупнейшего банка США «Ситибэнк», информационная революция 1950–1980-х гг. стала продолжением аграрной и промышленной революций прежних столетий. Она обеспечила возможность гражданскому обществу более эффективно контролировать действия государственной власти, а также невиданный в истории уровень индивидуальной свободы²⁰.

Концепция «цифровой экономики» была впервые предложена в 1994 г. канадским экономистом Доном Тапскоттом (D. Tapscott) в книге с одноименным названием²¹. По его оценке, эпоха «сетевого интеллекта» связала в единую систему не только технологии, но и отдельных людей, привыкших к взаимодействию посредством доступных им устройств. Интеграция компьютерных и сетевых технологий превратила цифровую экономику в ключевой фактор хозяйственной и социальной жизни планеты. Несколько лет спустя американский экономист Томас Месенбург (T. Mesenbourg), возглавлявший Бюро переписи населения США, определил цифровую экономику как трехфакторную модель, состоящую из инфраструктуры электронного бизнеса, самого электронного бизнеса, а также электронной торговли²². По мнению экспертов Группы двадцати, феномен цифровой экономики должен рассматриваться как включающий в себя все виды экономической деятельности, использующие цифровые технологии²³. А ученые, подготовившие доклад ОЭСР по исследуемой нами теме, считают, что цифровая экономика представляет собой цифровую трансформацию экономического и социального развития, поэтому должна рассматриваться как включающая в себя все охваченные сетевыми взаимодействиями и процессом цифровизации отрасли промышленности, как традиционные, так и инновационные²⁴.

1990-е годы войдут в мировую историю как уникальный «однополярный момент», т. е. как период, когда после распада СССР на относительно короткий период времени у США как единственной сверхдержавы той эпохи отсутствовали

¹⁸ Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушеницов А. Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде. М.: Изд-во Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021.

¹⁹ Тoffлер Э. Третья волна. М.: ACT, 2004.

²⁰ Wriston W. B. Bits, Bytes, and Diplomacy. The Third Technological Revolution // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76, iss. 5. P. 172.

²¹ Tapscott D., McQueen R. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1994.

²² Mesenbourg L. Measuring the digital economy // Suitland, MD: US Bureau of the Census. 2001. No. 1. P. 1–19. URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/umdigital.pdf> (дата обращения: 01.06.2018).

²³ G20, 2016. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative. Available online at: URL: <http://www.g20chn.org/English/Documents/Current/201609/P020160908736971932404.pdf> (дата обращения: 08.09.2016); Williams L. D. Concepts of Digital Economy and Industry 4.0 in Intelligent and information systems // International Journal of Intelligent Networks. 2021. No. 2. P. 122–129.

²⁴ OECD. Measuring the Digital Economy: A New Perspective. Paris: OECD Publishing, 2014.

равновеликие по количественным показателям и степени влияния на мировые процессы оппоненты. Существовавшие до этого периода альтернативы американской модели развития (социалистическая/коммунистическая, радикальная, девелопменталистская, популистская) ослабели настолько, что политические лидеры и «капитаны индустрии» в странах Атлантического сообщества могли себе позволить их попросту игнорировать. Среди ученых и политических деятелей сократилось число сторонников плановой экономики, приверженцев экономического роста на основе импортозамещения, а также национализации как инструмента для ускорения движения по пути догоняющего развития. Политэкономическое пространство планеты стало более гомогенным, чем когда-либо прежде в эпоху капитализма. Его качественные характеристики благоприятствовали развитию ИКТ в общемировом масштабе, поверх национальных границ, в большинстве регионов планеты одновременно.

Свидетельством окончания периода однополярности с центром в Вашингтоне стал кризис, известный под названием «пузырь доткомов» (Dot-com bubble), разразившийся с 1995 г. на фондовых биржах планеты и взорвавшийся в один день, 10 марта 2000 г., полуторакратным падением индекса крупнейшей для ИКТ-индустрии биржи — американской NASDAQ (National Association of Securities Dealers Automated Quotation — «Служба автоматизированных котировок Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам»). Взорвавшийся «пузырь», однако, не привел к краху ИКТ-индустрии. Скорее он стал первым успешным примером благотворного влияния для развития цифровых платформ феномена, известного как «созидательное разрушение». Автор этого термина, австрийский экономист Йозеф Шумпетер, определял его как «процесс индустриальной мутации, который непрерывно реконструирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую»²⁵.

Гигантские масштабы краха «пузыря дот-комов» вынудили правительственные структуры и монетарные власти развитых государств перейти на «ручное управление», подстраховав игроков рынка в ситуациях, когда переживавшая период становления и по-прежнему подверженная внешним шокам индустрия ИКТ могла надолго оказаться в глубоком и затяжном кризисе. В новую эпоху постиндустриального информационного общества за таким кризисом неизбежно могли последовать и другие потрясения глобального масштаба. То есть в начале нынешнего столетия бизнес и политика двинулись навстречу друг другу и создали современную индустрию ИКТ. В ней уже невозможно провести четкую границу между двумя главными составляющими ее элементами: частной инициативой и государственным интересом.

Глобальная экономика, построенная в виде системы цифровых платформ, приобрела свои нынешние характеристики в последнее десятилетие XX в. Этот период можно охарактеризовать как время ее триумфального шествия по планете. В 1990-е гг. ИКТ развивались быстрее, чем технологии в других секторах промышленности. ИТ-компании стали крупнейшими в мировом бизнес-сообществе, опередив многолетних лидеров — нефтяные и автомобильные корпорации, а также частные финансовые институты. Благодаря использованию ИТ-технологий в других отраслях экономики, сформировались главные тенденции современного хозяйственного развития, включая энергосбережение, децентрализацию производства, ускоренное развитие транспортно-логистической сферы и сектора

²⁵ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ.; отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. М.: Экономика, 1995. С. 73.

услуг²⁶. Ранее человечеству были доступны два пути получения нового знания и его верификации: построение теоретических моделей и проведение физических экспериментов. Современные ИКТ открыли третий путь, получивший широкое распространение в структурах госуправления и в бизнесе, — компьютерную имитацию, т. е. моделирование на вычислительных машинах.

Сочетание неолиберализма краткого периода американоцентричной однополярности 1990-х гг. и уникальных характеристик современных ИКТ сформировало «новую нормальность», о которой так много написано российскими и зарубежными экспертами в течение предыдущего десятилетия. Вклад ИКТ в становление постлиберальной новой нормы (*new normal*) еще предстоит оценить. Ее основные характеристики: снижение темпов экономического роста, высокая волатильность товарных и финансовых рынков, существенно превосходящая ту, что наблюдалась после Второй мировой войны, а также снижение эффективности традиционных инструментов государственного вмешательства в экономику, включая практически все рычаги макроэкономического регулирования (учетная ставка, валютный курс, налоги). Остается дискуссионным вопрос о том, сделали ли ИКТ мировую экономику более волатильной и ориентированной на быстрые перемены? Или же процессы в реальной экономике вызвали повышенный спрос на продукцию ИКТ, чтобы внести посредством цифровых технологий в меняющуюся и становящуюся все более дезорганизованной внешнюю среду элементы порядка? Однако наличие диалектической связи между технологиями и сферой государственного (политического) управления в рассматриваемый период отрицать невозможно.

Современные исследователи справедливо называют цифровую экономику основным драйвером экономического прогресса как в наиболее развитых государствах, так и в пытающихся выработать оригинальную модель экономического роста странах Глобального Юга²⁷. По оценке экспертов Всемирного экономического форума в Давосе, доля цифровой экономики в мировом ВВП составляет от 5 до 20 %, при этом в ней заняты от 3 до 12 % хорошо оплачиваемой и высококвалифицированной рабочей силы²⁸. Темпы роста цифрового сегмента мировой экономики в течение нынешнего столетия в два с половиной раза превышали темпы роста экономики планеты в целом. Сегодня именно развивающиеся в формате цифровых платформ сектора создают структурное давление на те отрасли хозяйства, которые остались в стороне от технологических инноваций, создавая эффект «цифрового перетекания» (*digital spill-over*)²⁹. По сути, цифровые платформы становятся локомотивами для национальных экономик и интеграционных объединений, подталкивая политических лидеров к реформам. Как следствие, уровень развития цифровых платформ определяет конкурентоспособность отдельных экономик.

После начала пандемии COVID-19 роль цифровых технологий в минимизации ущерба от самой пандемии и охватившей всю планету серии локдаунов стала

²⁶ Youngs G. Global Political Economy in the Information Age: Power and inequality. London; New York: Routledge, 2007. P. 24–26.

²⁷ Cheng C. Y., Chien M. S., Lee C. C. ICT diffusion, financial development, and economic growth: an international cross-country analysis // Econ Model. 2021. No. 94. P. 662–671; Ткаченко С. Л. Политическая экономия развития и становление институтов демократии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. экон. ун-та, 2021. С. 57–59.

²⁸ World Economic Forum. Digital trust: How to unleash the trillion-dollar opportunity for our global economy. 2022, August 17. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/08/digital-trust-how-to-unleash-the-trillion-dollar-opportunity-for-our-global-economy/> (дата обращения: 10.12.2022).

²⁹ Digital Spillover: Measuring the true impact of the digital economy. Oxford: Huawei & Oxford Economics, 2017. URL: https://www.huawei.com/minisite/gci/en/digital-spillover/files/gci_digital_spillover.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

приоритетной темой для научных исследований в России³⁰ и за границей³¹. При этом не остался без внимания показательный факт того, что ответы на вызов пандемии правительства в различных регионах планеты искали самостоятельно, демонстрируя многочисленные примеры государственного эгоизма, стремления игнорировать интересы других стран и их народов. Цифровые платформы показали свою эффективность в данной ситуации, поскольку позволяли без труда отделять «своих» реципиентов помочь (медицинской, финансовой, продовольственной) от «чужих» как внутри отдельных государств, так и на международной арене³².

3. Политическая экономия цифровых платформ: отношения государства и бизнеса

Сегодня возникло новое равновесие между принимающими политические решения правительствами и частным ИКТ-бизнесом, который своим одобрением или осуждением правительственные экономических решений оказывает на него исключительно мощное влияние. Данное равновесие является подвижным, поскольку вес участующих в его формировании сторон (государства и бизнеса) постоянно изменяется.

С одной стороны, правительства не в состоянии сколько-нибудь серьезно ограничить доступ населения к информации, управляющей всеми сторонами современной жизни. Органы исполнительной власти могут лишь опосредованно влиять на обменные курсы национальных денежных единиц посредством переговоров с бизнесом и изменений учетной ставки, менять приоритеты налоговой или региональной политики. Возможности монетарных властей планеты (МВФ, Банк международных расчетов, решения саммитов «Большой двадцатки») ограничивать перемещения капиталов также сведены к минимуму.

С другой стороны, современный бизнес лишен возможности диктовать правительствам и парламентам свою волю, его роль в электоральных процессах постоянно снижается³³, а попытки подкупа чиновников подлежат уголовному преследованию и все чаще доводятся до принятия судебных решений. Но бизнес, благодаря научно-технической революции и быстрому развитию ИКТ, получил возможность доносить свою волю до властей предержащих без спонсирования избирательных кампаний политиков или подкупа чиновников. Теперь лоббистские задачи, которые прежде решались традиционными способами, можно решить с помощью пресс-релизов и кампаний в социальных сетях. Зачастую такой путь оказывается более быстрым и дешевым, чем привычное лоббирование за закрытыми дверьми чиновничих кабинетов. ИКТ в современном мире своими активными действиями обрели возможность ограничивать свободу органов государственной власти принимать неверные управленческие решения.

³⁰ Авксентьев Н.А., Арлашкин И.Ю., Баквенье Т.А. [и др.]. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. А. Л. Кудрина, М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. С. 29–38.

³¹ OECD. 2020. Digital Transformation in the Age of COVID-19: Building Resilience and Bridging Divides, Digital Economy Outlook 2020 Supplement, OECD, Paris. URL: www.oecd.org/digital/digital-economy-outlook-covid.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

³² Li F. Disconnected in a pandemic: COVID-19 outcomes and the digital divide in the United States. Health Place. 2022 Sep., Vol. 77. 102867. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2022.102867>; Litchfield I., Shukla D., Greenfield S. Impact of COVID-19 on the digital divide: a rapid review // BMJ Open. 2021. No. 11. e053440. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2021-053440>

³³ Ткаченко С. Л. Мониторинг развития демократии: наблюдение за выборами и референдумами. СПб.: Секретариат Совета Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 2015. С. 54.

Окончание холодной войны ускорило развитие индустрии ИКТ и обеспечило ей подлинный триумф. Решающим социальным изменением, произошедшим во второй половине XX столетия, во многом под влиянием НТР, стало постепенное подчинение экономической жизни общества политическому фактору. Оно было обусловлено объективными причинами: зависимостью людей от постоянно трансформирующегося характера экономических процессов, усилением влияния внешних шоков и побочных эффектов развития на национальные и региональные экономики, а также необходимостью тщательного мониторинга социальных последствий технического прогресса. По мере усложнения экономической жизни общество стало вновь связывать с государством надежды на то, что «порядок будет восстановлен» и «стихия рынка» не разрушит окончательно государство всеобщего благосостояния. Управлять быстро меняющейся мировой экономикой следовало на основе широкого применения возможностей ИКТ.

Возникновение и первоначальное развитие индустрии ИКТ проходило в наиболее экономически развитых государствах планеты той эпохи. В их число следует включить не только государства Трансатлантической зоны и Японию, но и СССР с его сателлитами. С начала 1990-х гг. география развития ИКТ постепенно расширяется. На фоне кризиса советской экономики становится очевидным отставание в сфере ИКТ всех государств «социалистического лагеря». Резко ускорившие темпы экономического развития Индия, Китай, а позднее Бразилия, Мексика и другие государства Глобального Юга, объявили сферу ИКТ приоритетным направлением модернизации своей экономики и приступили к строительству национальных цифровых платформ. То есть как раз в период «однополярного момента», выражавшегося в полном доминировании в глобальных процессах США, доступ к ресурсам ИКТ получили не только богатые страны «золотого миллиарда», но и бедные государства Глобального Юга.

Проявились и особенности такого «географического распределения» цифровых платформ. Так, мобильный банкинг, то есть осуществление финансовых трансакций с использованием мобильных телефонов (смартфонов), развивается в бедных странах существенно более высокими темпами, чем в государствах, где финансовая система находится в образцовом состоянии, поэтому отвергает многие технологические инновации. Индия в рассматриваемый период стала крупнейшим игроком на софтverном рынке планеты в силу таких причин, как дешевая рабочая сила, налоговые льготы, достаточно высокий уровень владения английским языком, активная политика государства по привлечению в ИКТ-сектор талантливой молодежи, строительство за счет бюджета инфраструктуры для роста ИКТ, рекордное количество стартапов. Всего за одно поколение властям Индии удалось воспитать поколение инженеров, знающих, как создавать конкурентную продукцию и как ее продавать.

Многовековой опыт взаимоотношений государства и рынка показывает акторам цифровой экономики, что органы государственной власти — неважные коммерсанты. Сегодня не стоит и думать о том, что чиновникам можно доверить финансирование промышленных компаний и продвижение на рынок отдельных технологий. Учитывая современный уровень развития экономики, перед государственной властью общество должно поставить другую задачу — развитие рыночной инфраструктуры, включая принятие нового законодательства, обеспечение правопорядка, развитие образования и т. д. Для частного инвестора в сфере венчурного капитала главная задача состоит из двух элементов: во-первых, нужно выбрать наиболее перспективную инновационную компанию и стартап с высокой степенью «выживаемости»; во-вторых, нужно максимально снизить риски провала и потери инвестиций.

Именно здесь потенциально пересекаются интересы государства и бизнеса. Бизнес должен принимать хозяйственные решения на основе максимально доступных объемов требуемой для принятия рационального решения информации. Степень «рациональности» принимаемых решений повышается, если бизнес твердо уверен в стабильности институциональной структуры экономики. Государство должно минимизировать угрозу того, что бизнес будет принимать неверные решения, которые приведут к финансовым потерям и провалам. Приоритетное направление деятельности органов власти: оказание финансовой помощи всему сектору венчурного финансирования, а также контроль макроэкономических индикаторов на уровнях, при которых обеспечивается наиболее благоприятная среда для развития инноваций. То есть мы можем констатировать, что суть сделки между бизнесом и властью состоит в обмене финансовой помощи на начальных этапах реализации инновационных проектов (со стороны правительства) на опыт частного бизнеса в реализации проектов в высокотехнологической сфере, его активную работу на всех этапах реализации проектов, а также готовность вложить масштабные собственные средства, как только становится понятно, что проект выжил и имеет хорошие бизнес-перспективы.

Три крупнейшие на настоящий момент цифровые платформы (европейская, американская и китайская) строятся на различных политico-экономических основаниях, поэтому их взаимодействие является сочетанием сотрудничества и конфликта. Первое преобладает, когда рассматриваемые ниже три платформы дополняют друг друга и используются для выстраивания взаимовыгодных цепочек добавленной стоимости. А конфликты возникают тогда, когда эти платформы вступают во фронтальное столкновение из-за продвижения собственных уникальных технологий, а также при разделе рынков в других частях планеты.

Для ЕС, особенно для руководящих им «коммунитарных» органов (Европейской комиссии, Совета ЕС и Европейского центрального банка), технологии и генерируемые им ускоренным развитием процессы являются проблемой, угрожающей основам единого европейского рынка. Поэтому брюссельские политики и чиновники убеждены — технологическое развитие должно осуществляться под строгим политическим контролем, при этом главную миссию должна играть Европейская комиссия, управляющая внутренним рынком стран ЕС.

Цифровая платформа Соединенных Штатов Америки (далее — США) строилась в рамках тесного сотрудничества государства и частного бизнеса, при этом наиболее заметные достижения на этом пути связаны с программами Пентагона и гигантскими военными расходами бюджета США. Произведенные в рамках военных программ технологии и продукты проходили своеобразную процедуру конверсии, а затем продвигались на мировом рынке ведущими технологическими компаниями США. Поэтому в Вашингтоне сегодня доминирует убеждение в том, что технологическое развитие следует приветствовать, если оно инициировано и развивается компаниями частного сектора экономики. Единственное условие, выдвигаемое американской властью, — технологии не должны применяться акторами политической системы страны в качестве ресурса, направленного на увеличение их удельного веса в рамках политической системы США. Это условие сегодня очевидным образом не соблюдается, достаточно вспомнить активное использование президентом США Д. Трампом (2017–2021) социальной сети Twitter для исключительно эффективной коммуникации со своей страной и всем миром, а затем скандальное «отключение» 7 января 2021 г. еще действующего президента США от возможностей пользоваться своим личным аккаунтом в Twitter.

Китайское отношение к роли технологий в развитии национальной экономики и решению задачи «мирного подъема» до уровня глобального лидера основано

на базовых убеждениях современного неомарксизма. Как отмечают С. Ткаченко и У. Кайл, к числу этих убеждений относятся, в частности: 1) контроль средств производства как основной источник государственной мощи (силы); 2) современные и уникальные технологии, являющиеся двигателем экономического развития и воплощением государственной мощи; 3) рассмотрение мировой политико-экономической системы как системы силовых отношений, а не свободного обмена, который снижает барьеры между государствами, но не устраняет их полностью³⁴. Поэтому нынешнее поколение китайских лидеров приветствует развитие технологий, считает их центральным элементом политико-экономической системы страны, а их приоритетное развитие — базовым элементом своей работы, поскольку формируемые в рамках китайской цифровой платформы технологии обеспечивают безопасность страны и быстрый социально-экономический рост Китая.

Прекрасный пример того, как взаимодействие и конкуренция национальных цифровых платформ определяют характер мировой экономики, и перспективы ее развития на ближайшие десятилетия мы можем найти в современных американо-китайских отношениях. Для их качественной характеристики все чаще используется термин «decoupling» («декаплинг»), т. е. «разделение».

Декаплинг, понимаемый как процесс разрыва экономических связей США и Китая, является одним из наиболее актуальных вопросов современной мировой экономики. Утверждения о том, что он приобрел необратимый характер, а США и Китай превратились в непримиримых противников, ведущих друг против друга войну на тотальное уничтожение, пока преждевременны. Измеряемая сотнями миллиардов долларов взаимная торговля двух сверхдержав, а также сохраняющиеся потоки инвестиций всех типов по-прежнему слишком значительны по своим масштабам, чтобы настаивать на необратимом характере американо-китайского политико-экономического разделения.

Своей целью декаплинг имеет не только создание труднопреодолимых барьеров между американской и китайской экономиками. Еще одна его цель — лишить китайскую экономику одного из основных источников энергии для ее роста, в роли которой с 1978 г. выступала внешнеэкономическая политика Китая после смерти Мао Цзедуна, получившая наименование «go-global»³⁵. Вслед за вступлением Китая в ВТО в 2000 г. тысячи китайских государственных и частных компаний ИКТ-индустрии резко расширили свое присутствие в мировой торговле, прежде всего для приобретения новейших технологий и стратегических активов, отсутствовавших на внутреннем рынке. Следует отдать должное китайскому бизнесу — свое «окно возможностей» в виде наращивания объемов экспорта и накопления измеряемых триллионами долларов финансовых поступлений он использовал в высшей степени эффективно, построив за счет иностранных инвестиций и трансфера технологий современную цифровую платформу, чьи конкурентные преимущества признаны во всем мире. Именно поэтому развязанная администрацией Дональда Трампа в 2018 г. технологическая война против одной из крупнейших мировых компаний в сфере телекоммуникаций — китайского Huawei — это решительная попытка Вашингтона разорвать нити, связывающие китайские высокотехнологические компании с их партнерами по всему миру. Длящийся уже несколько лет конфликт развивается по нарастающей, при этом за спиной компании Huawei стоит вся мощь китайского правительства. Рассматриваемый конфликт по своей сути является межгосударственным, хотя и облаченным в новые

³⁴ Ткаченко С. Л., Кайл У. БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, вып. 3. С. 303–304.

³⁵ Bellabona P., Spigarelli F. Moving from Open Door to Go Global: China goes on the world stage // International Journal of Chinese Culture and Management. 2007. Vol. 1, no. 1. P. 93–107.

для традиционных международных отношений одежды судебного преследования и односторонних рестрикций в отношении формально негосударственной компании Huawei.

Как отметил журнал Economist, имея в виду меры против компании Huawei, «запрет одной из ведущих компаний Китая на деятельность в государствах Запада должен быть самой крайней мерой» («Banning one of China's leading firms from operating in the West should be a last resort»³⁶). Именно это произошло в 2018 г., и в этот момент декаплинг из теоретической конструкции стал частью операционного кода американской и китайской дипломатии. С самого начала кризиса администрация Д. Трампа действовала жестко, демонстрируя желание добиться своей цели — сохранить доминирующее положение американских компаний на глобальном рынке товаров с высокой добавочной стоимостью, вынудить Китай продолжить специализироваться на экспорте низко-маржинальных товаров, для производства которых требуется много рабочей силы и простые технологии. И. Данилин считает возможным называть данное противостояние «технологической войной»³⁷. Однако, по мнению российского эксперта А. Ломанова, Китаю в целом удалось избежать негативных последствий действий американских властей³⁸.

4. Правовые проблемы взаимодействия с использованием цифровых платформ

В 2015 г. ЕС анонсировал Цифровую стратегию для Единого рынка в Европе, включающую, помимо прочего, планы по созданию специального законодательства, регулирующего гражданско-правовые отношения с использованием цифровых платформ.

Тогда же Еврокомиссия представила два проекта директив: об онлайн-продажах и иных видах дистанционной торговли и о поставке цифрового контента. Откликаясь на потребности сложившейся практики такого рода отношений, этот последний проект содержал множество инноваций, затрагивающих базовые структуры договорного права. В частности, в нем была реализована концепция встречного предоставления в форме передачи персональных данных, впоследствии нашедшая отражение в законодательстве ЕС. Данная концепция базируется на признании персональных данных активами. Такое признание обосновывается тем, что в современном мире персональные данные представляют материальную ценность и потому имеют рыночную цену. В этой связи является достаточно распространенной практика предоставления цифровых услуг и продуктов без оплаты, но в обмен на персональные данные. По этой причине европейская Digital Content Directive 2019 г. прямо приравняла предоставление персональных данных к уплате цены или наемной платы по договору. Это превращает упомянутые контракты в синаллагматические, открывая возможность для применения к ним соответствующих норм договорного права³⁹.

³⁶ How to handle Huawei? // The Economist. 2019, January, 31. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/01/31/how-to-handle-huawei> (дата обращения: 28.10.2020).

³⁷ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. А.Д. Воскресенского, Д.А. Кузнецова. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 275–293.

³⁸ Ломанов А.В. Циркуляция против изоляции. Китай ответил Западу стратегически // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czirkulyacziya-protiv-izolyacziy/> (дата обращения: 10.12.2022).

³⁹ Schulze R. Characteristics of modern European contract law // Правоведение. 2020. Т. 64, № 2. С. 212.

Вместе с тем признание персональных данных активом открыло возможность для признания возможности абсолютной защиты таких активов (обеспечение доступа к данным, возможность при расторжении договора потребовать удаления данных не только контрагентом и оператором платформы, но и третьими лицами, которым они были переданы согласно договору).

Кроме того, такие активы специфичны как по составу (что относится к персональным данным), так и по своей природе. Дело хотя бы в том, что предоставление данных не приводит к умалению имущественной сферы предоставившего их лица. Это может быть важно в некоторых ситуациях.

Например, можно ли признать добросовестным возмездным приобретателем лица, предоставившее в качестве встречного предоставления свои персональные данные? Наверное, нет, с учетом того, что в основе этого механизма, который так или иначе воплощен в гражданских кодексах большинства стран, и в частности в Российской Федерации — в ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации, лежит идея о том, что добросовестный приобретатель не должен претерпеть ущерба, а потому безвозмездный приобретатель должен вернуть собственнику полученное в дар чужое имущество, а добросовестный покупатель того же имущества вправе оставить его за собой.

Также в зависимости от применимого права такой договор может быть признан не обязывающим. В частности, если применимым правом оказывается право Англии и Уэльса, то встает вопрос: можно ли квалифицировать персональные данные как consideration, в отсутствие которого договорное обязательство в упомянутой правовой системе, как известно, не получит правовой защиты?⁴⁰ Ответ на этот вопрос, по-видимому, будет отрицательным, поскольку предоставление персональных данных не может квалифицироваться как умаление имущества представителя данных.

Впрочем, несмотря на отдельные инновации, все эти предложения до поры до времени все равно оставались в рамках традиционного восприятия онлайн-торговли и поставки цифрового контента как совокупности нескольких отдельных двусторонних договоров.

Такой традиционализм вызвал неприятие со стороны «цифровых юристов», указывавших на то, что он не отражает тех изменений структуры данного рынка, которые вызваны технологическими инновациями, связанными со стремительным развитием многосторонних и многофункциональных «цифровых платформ», например Uber, Wimdu, BlaBlaCar и т. п., дающих возможность поиска, подбора и обмена товарами и услугами посредством инфраструктуры платформ.

На взгляд экономиста, с организационной точки зрения такие платформы представляют собой некий гибрид коммерческой организации и рыночной площадки. Это наблюдение породило идею о том, что и подход к регулированию такого рода отношений должен отражать новую реальность, будучи направлен на регулирование в целом так называемой экосистемы платформы, т. е. трехсторонних отношений оператора платформы, поставщика товаров или услуг и лица, приобретающего их с помощью провайдера платформы.

Юристы, являющиеся сторонниками инновационного подхода, указывают на то, что в то время, как отношения между поставщиком и приобретателем удовлетворительно регулируются традиционным договорным правом, имеется существенный пробел в регулировании отношений между поставщиком и оператором платформы, с одной стороны, и приобретателем товаров и услуг и тем же оператором платформы — с другой.

⁴⁰ Там же. С. 212.

Эти отношения многообразными путями связаны друг с другом, но такие связи по большей части остаются за рамками традиционного анализа с точки зрения двусторонней договорной связи поставщика и приобретателя. В частности, восприятие данных отношений как трехсторонней конструкции помогает идентифицировать ситуации, когда оператор платформы должен признаваться ответственным перед приобретателем товаров или услуг за неисполнение обязательства их поставщиком. Впрочем, сказанное касается лишь посреднических платформ.

Кроме того, именно на оператора онлайн-платформы, аккумулирующей информацию о своих клиентах, возлагаются информационные обязанности (обязанности информирования), существование которых традиционно выводится из принципа добросовестности и неисполнение которых является основанием для возложения на правонарушителя преддоговорной ответственности⁴¹.

Энтузиасты трансформации частного права для регулирования отношений с использованием «цифровых платформ» в ЕС образовали в 2015 г. Research Group on the Law of Digital Services, которая уже в 2016 г. опубликовала собственный модельный проект соответствующей директивы⁴². Этот проект вызвал широкую дискуссию, в частности сильную критику со стороны ассоциаций защиты прав потребителей, прежде всего немецких. В то же время он стал стимулом для разработки соответствующего проекта European Law Institute⁴³.

Такая активность на общеевропейском уровне объясняется тем, что национальный законодатель в различных европейских странах стал самостоятельно, не дожидаясь европейских директив, реагировать на появление цифровых платформ, внося масштабные, но при этом сильно отличающиеся от страны к стране изменения и дополнения в национальное законодательство. Например, так произошло во Франции, где в 2015 г. принят «Закон о росте, активности и равных экономических возможностях», поименованный в комментариях как «Закон Макрона», а в 2016 г. — так называемый Закон о цифровой республике⁴⁴.

За ними последовали иные законодательные акты, прежде всего дополнившие общими положениями об отношениях с участием «цифровых платформ» французский Кодекс прав потребителей и развившие систему специальных норм касающихся различных видов «цифровых платформ»⁴⁵.

Процесс «национализации» регулирования отношений с участием «цифровых платформ» объективно затрудняет существование общего рынка ЕС.

⁴¹ Подробнее об информационных обязанностях см.: Лугманов Р.Р. Информационные обязанности, вытекающие из принципа добросовестности. Правовой и экономический анализ. М.: М-Логос, 2022.

⁴² The Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms. URL: https://www.elsi.uni-osnabrueck.de/fileadmin/user_upload/English.pdf (дата обращения: 10.12.2022); Белов В. А. Комментарий к проекту Директивы Европейского Союза «Об онлайн-посреднических платформах» с переводом [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2022. URL: https://m-lawbooks.ru/product/belov-v-a-komentarij-k-proektu-direktivy-evropejskogo-soyuza-ob-onlajn-posrednickeskikh-platformah-s-perevodom/?utm_source=ip_club%2C+vkontakte&utm_term=ip%2Bclub&utm_campaign=IP_CLUB (дата обращения: 10.12.2022).

⁴³ Model Rules on Online Platforms. European Law Institute. 2019. URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_elis/Publications/ELI_Model_Rules_on_Online_Platforms.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

⁴⁴ Sénéchal J. French Law on Online Platforms and Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platform: Common or Divergent Approaches? / Ed by C. Busch. Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms. Commentary. Krakow: JUP, 2019. P. 236.

⁴⁵ Ibid. P. 235 et seq.

По этой причине в 2019–2020 гг. появился целый ряд директив⁴⁶ и регламентов (Regulations) ЕС, нацеленных на создание нового правового регулирования в рассматриваемой сфере, причем не только в отношениях с участием потребителей, но и в чисто коммерческих отношениях, также опосредованных цифровыми платформами.

В этом новом массиве нормативного материала манифестились некоторые тенденции, которые отмечались и ранее, вне специфической связи с «цифровыми платформами» и вообще с онлайн-взаимодействием участников оборота, но были концептуализированы и приобрели доминирующий характер именно в связи с законодательными новеллами, направленными на регулирование отношений с участием «цифровых платформ».

Примером такого рода является сближение защиты вступающих в отношения через «цифровую платформу» бизнесменов с защитой потребителей. Это проявляется, в частности, в контроле договорных условий, которые должны быть не только изложены ясно и понятным языком, но и заключать в себе целый ряд обязательных положений, направленных на информирование контрагента о значимых для него обстоятельствах⁴⁷.

Например, при использовании поисковой системы для нахождения нужного товара или услуги клиент «цифровой платформы» должен быть проинформирован о том, какими критериями руководствуется платформа, ранжируя результаты поиска, и каковы параметры «отсечения». В этой связи очевидно, что он должен иметь возможность изменять данные параметры.

Идея активного вмешательства законодателя в сферу договорной свободы в сфере не только потребительских, но и коммерческих договоров оправдывается тем, что при использовании онлайн-платформ процесс согласования индивидуальных договорных условий сведен к минимуму либо отсутствует вовсе⁴⁸. Более того, все чаще с одной стороны или с обеих сторон договоры посредством онлайн-платформы заключают «боты». При этом есть примеры того, как искусственный интеллект самостоятельно модифицирует предлагаемые к заключению стандартные договоры на основе немедленного анализа информации о многообразных изменениях рыночных условий. Но поскольку стороной договора в конечном счете признается физическое или юридическое лицо, на него в итоге и возлагаются негативные последствия этих процессов по принципу *cius commodum ejus damnum* (чья выгода, того и ущерб). При таких условиях казавшийся ранее неприемлемым патерналистский подход, ограничивающий договорную свободу, представляется уже более адекватным. В этом ключе следует рассматривать и ограничение свободы договора в целях защиты от дискриминации.

⁴⁶ Directive (EU) 2019/770 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain contractual aspects of the supply of digital content and digital services. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/770/oj?locale=en> (дата обращения: 10.12.2022); Directive (EU) 2019/771 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the sale of goods, amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive 2009/22/EC, and repealing Directive 1999/44/EC (Sale of Goods Directive). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019L0771> (дата обращения: 10.12.2022); *Morais Carvalho J.* Sale of Goods and Supply of Digital Content and Digital Services — Overview of Directives 2019/770 and 2019/771 (July 18, 2019). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3428550 (дата обращения: 10.12.2022); *Саванец Л. М., Стакира А. М.* Новые законодательные инструменты Европейского союза, касающиеся купли-продажи товаров и поставки цифрового контента // Правоведение. 2020. Т. 64, № 2. С. 222–224.

⁴⁷ Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019R1150> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴⁸ Schulze R. Characteristics of modern European contract law. C. 210.

Еще одной инновацией является само восприятие договора. Именно в связи с договорами, заключаемыми через онлайн-платформы, оживилась начавшаяся ранее дискуссия о переосмыслении понятия договора.

С одной стороны, появилась «очень немецкая» идея привязки момента начала договорного правоотношения к моменту первого «социального контакта» сторон (= обращения к онлайн-платформе), что связано с наличием преддоговорных информационных обязанностей и «квазидоговорной» преддоговорной ответственности за их нарушение.

С другой стороны, при онлайн-контрактах признается правильным допустить то право на произвольный отказ от договора в течение определенного срока, которое в иных отношениях признается только за потребителями. Таким образом, договорное отношение «созревает» еще на преддоговорной стадии, но окончательно «консолидируется» лишь с истечением срока на произвольный отказ от договора⁴⁹.

Наконец, опять же в связи с поставкой цифрового контента посредством цифровых платформ размыается разграничение условной купли-продажи и найма в том смысле, что, не ограничиваясь предоставлением цифрового контента, поставщик обязан его обновлять в течение срока действия договора, а в случае появления соответствующих технологических изменений он обязан его и модифицировать.

Все вышеизложенное надо учитывать при формировании правовой среды для функционирования цифровых платформ в России.

5. Российская цифровая платформа: особенности становления

Несмотря на общемировую известность российской инженерной школы в области ИТК, пока ее достижения не привели к формированию полноценной цифровой платформы как самостоятельного и равновеликого другим игрока⁵⁰. После начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. российский внутренний рынок стал ключевым для развития российской цифровой платформы, именно здесь генерируются основные объемы спроса и на него ориентирован практически весь объем выпускаемой индустрией продукции. По оценке компании International Data Corporation (далее — IDC), российский рынок в 2021 г. достиг уровня 2,4 трлн руб., продолжив свой длящийся уже второе десятилетие период, быстрого роста⁵¹.

Объем экспорта ИТ-услуг из России в последние годы зафиксировался на уровне 10 млрд долл. в год, при этом половина экспорта — продукты, а вторая половина — сервисы и разработки, которые делают российские компании для международного рынка. По своим количественным показателям экспорт ИТ-товаров сопоставим с объемами экспорта зерна или древесины, хотя не пользуется такими же мерами экспортной поддержки со стороны государственного бюджета. Российские компании признают на международном рынке, их услугами

⁴⁹ Schulze R. Characteristics of modern European contract law. C. 204–205.

⁵⁰ Khalin V., Terekhov A., Tkachenko S., Yurkov A. Software engineering education for ensuring Russia's priorities in the digital economy // Proceedings of the 2018 Workshop on PhD Software Engineering Education, SWEPHD, 2018. 2256. URL: https://ceur-ws.org/Vol-2256/SWEPHD18_paper_01.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

⁵¹ Российская софтверная отрасль. 19-е ежегодное исследование. М.: НП «Руссофт», 2022. С. 31. URL: <https://russoft.org/wp-content/uploads/2022/12/survey2022.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).

и продуктами активно пользуются в других странах. Поэтому роль внешних рынков для рассматриваемой нами индустрии, а также для российской экономики в целом заметная, и она имеет тенденцию к росту.

Сейчас российская цифровая платформа находится под мощным давлением неправомерных санкций США и их сателлитов. В 2022 г. она оказалась в положении выбора: продолжать обслуживать зарубежные компании, предоставляя услуги по аутсорсингу, при этом сохраняя небольшое по масштабам производство оригинальных продуктов, или же стать мировым лидером, сформировать свой технологический уклад на основе решений, альтернативных тем, что используются на рынках ведущих экономик планеты. Движение по второму пути в России поддерживается на высшем политическом уровне, но для успешного решения возникающих задач требуется не только государственная воля, но и финансирование, а также настрой капитанов российской ИТ-индустрии на серьезную конкуренцию с зарубежными оппонентами.

Ниже мы рассмотрим несколько основных проблем, с которыми сталкивается на международной арене российская цифровая платформа в процессе ее становления.

Первая проблема — географическая детерминированность развития российской цифровой платформы с точки зрения экспорта и создания цепочек добавленной стоимости. Индустрия ИКТ формировалась как глобальная с первых лет своего развития⁵², но кризис однополярности в начале нынешнего столетия дал старт процессу декаплинга. И хотя фрагментация общемирового цифрового пространства идет неравномерно, но события 2022 г., в том числе обострение конфликта КНР и США вокруг Тайваня, привели к тому, что сегодня декаплинг становится в краткосрочной перспективе неизбежным. Таким образом, рынки недружественных России государств для оригинальных ИТ-продуктов российской разработки закрыты или ограничены. Следует также добавить, что в государствах Глобального Юга, куда сегодня устремились отечественные ИТ-компании, лишь начали формироваться рынки, которые могут принять новые продукты, произведенные на российской цифровой платформе.

Вторая проблема — технологическая война, которую ведут сегодня против России Вашингтон и его союзники. Помимо видимой части этой войны (сотен противоправных технологических санкций, наложенных недружественными странами в отношении отдельных компаний и целых секторов, работающих в рамках российской цифровой платформы), существенным элементом конфликта являются и иные шаги Запада. В их числе блокирование доступа российских пользователей в облачные продукты; невозможность расширять договорную базу сотрудничества даже для тех компаний, на которые упомянутые неправомерные санкции не распространяются (феномен overcompliance, т. е. избыточное выполнение санкционных требований); невозможность получать обновления уже приобретенных цифровых продуктов; рост числа и масштабов атак в российском киберпространстве через уязвимости не обновленного программного обеспечения; внедрение вредоносных программ в бесплатные продукты, доступ к которым у участников российской цифровой платформы сохранился.

Третья проблема — трудности начального этапа импортозамещения в ИТ-отрасли России. Эту проблему можно рассмотреть на примере офисного программного обеспечения (далее — ПО). Его рынок в 2021 г. вырос на 37 %, при этом объем рынка достиг 42,5 млрд руб. по оценке сингапурской консалтинговой

⁵² Терехов А. Н., Ткаченко С. Л. Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на глобальном рынке. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2019. С. 50–52.

компании J'son & Partners Consulting⁵³ и имеет хорошие возможности вырасти до 85,2 млрд руб. уже в 2027 г.⁵⁴ Согласно прогнозу этой компании, доля российского офисного ПО (P7 и «Мой офис») на внутреннем рынке вырастет с 7 % в 2020 г. до 40 % в 2026 г., свободного ПО (LibreOffice и OpenOffice) — с 15,5 до 30 %, а доля зарубежного ПО (Microsoft Office, Hancom Office, WPS Office и т. д.) за этот же период должна будет уменьшиться с 77,5 до 30 %. С учетом геополитических факторов, проявившихся в 2022 г., эти прогнозы были существенно пересмотрены в пользу роста отечественного ПО в рамках российской цифровой платформы. Сегодня можно предположить, что к концу 2027 г. большую долю рынка (82 %) будут занимать российские платформы офисного ПО, на долю программных решений, распространяемых с открытым исходным кодом, придется 10 %, а на долю зарубежных — ничтожные для предыдущего периода 8 %⁵⁵. Несмотря на столь оптимистичные оценки, проблемы в данном сегменте российской цифровой платформы возникают в связи с высоким уровнем пиратства (около 52 % всех программных продуктов в России), что лишает многие ИТ-компании стимулов расширять свои операции на российском рынке и разрабатывать действительно сложные и прорывные для индустрии технологии.

По мнению Андрея Шастина, директора по стратегическим инициативам и партнерствам компании «Аурига»⁵⁶, дополнительными рисками для импортозамещения могут стать ограничения масштабирования разработанных в России информационных продуктов. В России лишь несколько десятков ИТ-компаний, где в штате находится более 500 человек. В основном российские продуктовые компании, зарегистрированные на многочисленных платформах, насчитывают менее 100 сотрудников, иногда всего несколько человек. То есть говорить о полноценном импортозамещении не приходится, даже если небольшие российские компании производят хороший, востребованный и перспективный продукт, поскольку небольшие размеры компаний препятствуют продвижению инновационных продуктов на российском рынке с учетом особенностей клиентской базы.

Завершая краткий обзор трудностей, с которыми сталкивается российская цифровая платформа на современном этапе, отметим ее недостаточно сбалансированный характер. Известно, что все существующее ПО можно разделить на три категории: системное, прикладное и инструментальное. В области прикладного ПО у российских компаний имеются большие достижения, особенно при разработке банковских и коммуникационных продуктов, решении вопросов информационной безопасности и автоматизации бизнес-процессов. В сфере системного ПО сформировались и быстро развиваются несколько компаний-лидеров (Astra Linux, Базальт СПО), но в целом в этом сегменте отсутствует ряд важнейших продуктовых и программных компонентов, их еще предстоит создать для становления цифровой платформы, устойчивой к внешним шокам любых типов. Если же обратиться к инструментальному ПО, т. е. к средствам разработки, то в этом сегменте масштабы деятельности небольшие и доминирует

⁵³ Аналитики J'son & Partners Consulting оценили российский рынок офисного ПО в 42,5 млрд руб. // ICT-Moscow. 2022, 16 авг. URL: <https://ict.moscow/news/analitiki-json-partners-consulting-otsenili-rossiiskii-rynek-ofisnogo-po-v-42-5-mlrd-rub/> (дата обращения: 10.12.2022).

⁵⁴ Курашова А. Доля рынка российского офисного ПО может вырасти с 12 до 82 % к 2027 году // Ведомости. 2022, 15 авг. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2022/08/15/936137-dolya-rossiiskogo-ofisnogo-virasti> (дата обращения: 10.12.2022).

⁵⁵ Аналитики J'son & Partners Consulting...

⁵⁶ Это мнение было высказано в ходе пресс-конференции РУССОФТ «ИТ-индустрия на пороге выбора: встать в ряды мировых лидеров или обслуживать чужие решения», состоявшейся в Москве 8 ноября 2022 г.

неопределенность. Многие остро необходимые на рынке технологии заменяются программами с открытым кодом или вообще не имеют замены на сегодняшний день.

Преимущественно сервисный характер отечественной цифровой платформы привел к тому, что в России много хороших программистов, но мало квалифицированных владельцев продуктов и технических директоров, работающих в российских промышленных и продуктовых компаниях, выпускающих оригинальное ПО. Специфика анализируемой отрасли состоит в том, что, как правило, владелец успешного и востребованного продукта в ИТ-индустрии — это визионер, технический эксперт. Такой специалист знает, что такое цикл создания программного продукта; какие модели разработки существуют и по какой схеме следует создавать тот или иной продукт (решение); что такое «стандарты разработки программного обеспечения» и почему им надо следовать. Продвижение на рынок продукта в рамках цифровой платформы — это долговременный проект, на начальной стадии которого нужно провести аналитику, собрать технические и функциональные требования к такому продукту, сделать прототип, отработать его и показать инвесторам или потенциальным заказчикам, а затем разработать готовый продукт, протестировать и поддерживать его в течение всего жизненного цикла. Для российских компаний нет другого пути для успешного создания в рамках российской цифровой платформы оригинальных продуктов, востребованных как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Сейчас в нашей стране остро стоит задача воспитания поколения специалистов, которые бы в полной мере понимали смысл и характер всех фаз разработки и продвижения на рынке товаров, а внутри российской цифровой платформы отстаивали бы необходимость следования единому для индустрии процессу, поскольку этот путь не имеет альтернатив. В России также наблюдается отсутствие устоявшихся экосистем программных продуктов, т. е. своего рода пищевых цепочек интегрированных и взаимодействующих друг с другом продуктов ИТ-индустрии, которые в странах Глобального Севера образуются вокруг крупнейших игроков рынка, к числу которых, например, можно отнести американские компании AMD, Microsoft, Intel. Это позволяет целым отраслям индустрии или отдельным ее сегментам быстро развиваться в условиях, когда есть крупный заказчик с большим финансированием на НИОКР, заинтересованный в продвижении инновационных продуктов. Создание таких экосистем в России в ближайшем будущем вполне возможно при условии сохранения либерального характера тех секторов ИТК-индустрии, которые не связаны с решением задач национальной безопасности и обороны государства.

Заключение

Наше исследование показало, что формирующиеся вокруг отдельных стран и интеграционных объединений цифровые платформы — это закономерная реакция государств и крупного международного бизнеса на набирающий темп процесс деглобализации. На примере технологического декаплинга США и Китая мы можем видеть, как будет трансформироваться ИКТ-индустрия, а также нарастать политически-мотивированный конфликт между цифровыми платформами суверенных государств.

Развивающиеся на наших глазах столкновения в высокотехнологической сфере — это своеобразные proxy wars (войны по доверенности) новой эпохи, движущими силами которых являются традиционные для прежних эпох межгосударственные конфликты за сохранение своего влияния в отдельных регионах планеты

или завоевание новых рынков. Новая эпоха никак не изменила лидирующую роль органов государственной власти в обеспечении безопасности посредством концентрации ресурсов (человеческих, финансовых, технологических) для противодействия внешним угрозам. То есть нынешний конфликт, затронувший в том числе и Россию, показал, что защита технологического и цифрового суверенитета возможна лишь за счет ресурсов государственного бюджета, а также сотрудничества власти и частного высокотехнологического бизнеса.

Если перспективы конфликта цифровых платформ становятся все более четкими, то что можно сказать о возможностях их сотрудничества, мирного сосуществования, проведения между ними «красных линий», за пределы которых противники заходить не будут? По нашему мнению, на нынешнем этапе кризиса, когда старая держава-гегемон (США) и возвышающийся новый лидер (Китай) не в состоянии договориться о новой, более справедливой для развивающихся государств архитектуре международной безопасности, конфликт неизбежен. Здесь уместна использованная экспертами Валдайского клуба метафора «сыпающегося мира», который оказался на распутье и стоит перед угрозой глобальной анархии⁵⁷.

Цифровые технологии, разрабатывавшиеся для того, чтобы стать инструментом связности и положительной взаимозависимости глобального мира, сегодня обречены играть две совсем другие роли. Во-первых, национальные (или блоковые) цифровые платформы используются для декомпозиции (разделения на части) тех элементов глобальной экономики, которые вошли в противоречие с реалиями современного мира и превратились в угрозу государственному суверенитету, которым не готово пожертвовать абсолютное большинство держав планеты. Во-вторых, рассмотренные нами платформы становятся инструментом невоенного противостояния конкурирующих держав, стремящихся посредством ослабления или разрушения цифровых платформ недружественных им государств ослабить их, вытеснить с отдельных сегментов рынка, поставить на путь развития, известный как path dependence (эффект колеи). Россия и ее партнеры по форуму БРИКС сегодня не видят для себя достойного места в американо-центристической структуре планеты. Создавая и развивая свои цифровые платформы, эти государства вносят свой вклад в строительство новой архитектуры мировой политико-экономической системы.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.
Рекомендована к печати 27 декабря 2024 г.

Political economy and legal support for digital platforms: Cooperation and conflict

A. D. Rudokvas, A. N. Terekhov, S. L. Tkachenko

For citation: Rudokvas A. D., Terekhov A. N., Tkachenko S. L. 2025. Political economy and legal support for digital platforms: Cooperation and conflict. *Pravovedenie* 69 (1): 150–175.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.108> (In Russian)

The article examines the phenomenon of the establishment and development of digital platforms as an emerging space of cooperation and competition between private business and public administration structures, primarily in Europe, North America and the Asia-Pacific region, and legal support of this process. The authors identify two approaches to defining

⁵⁷ Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянин Ф., Сущенцов А., Тимофеев И. Жизнь в сыпающемся мире. М.: Фонд развития и поддержки международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018.

"digital platforms": functional and political-economic. Within the first, the object of study is the economic, social and political interactions arising because of the digital transformation of various sectors of the economy. The second, political-economic approach, as the object of study, defines the space of interaction between government and business, within which information and communication technologies at the disposal of government structures and/or national business are used to ensure technological sovereignty and protect the economic interests of an individual state or interstate integration association. In the modern era and for a fairly long historical perspective, only sovereign states and their governance structures are capable of providing the necessary conditions for solving the problems of creating and developing digital platforms. They not only have resources that private businesses often do not have to achieve these goals. Governments have the legal authority to act in high technology in the best interests of national security, as well as the power of the entire government machinery to achieve its goal even in the face of opposition or outright opposition. The formation of an international system of digital platforms is impossible without the clearly expressed political will of sovereign states. Their community is characterized by a hierarchical structure, while individual countries, recognized as sovereign by international law, do not have the right to veto global projects, which include the ICT industry that permeates the entire global economy and the digital platforms that form it "from the bottom up". The three largest modern digital platforms (European, American and Chinese) are built on different political and legal foundations, so their interaction is a combination of cooperation and conflict. The first prevails when the three platforms discussed below complement each other and are used to build mutually beneficial value chains. And conflicts arise when these platforms come into direct conflict due to the promotion of their own unique technologies, as well as when dividing markets in other parts of the planet.

Keywords: digital platform, ICT industry, "new normal", intellectual property, personal data.

References

- Allison, Graham. 2018. *How Trump Could Stumble From a Trade War into a Real War with China*. Boston, Belfer Center for Science and International Affairs. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/how-trump-could-stumble-trade-war-real-war-china> (accessed: 10.12.2022).
- Aissaoui, Najeh. 2022. The digital divide: a literature review and some directions for future research in light of COVID-19. *Global Knowledge, Memory and Communication* 71 (8/9): 686–708.
- Archibugi, Daniele, Filippetti, Andrea. 2010. The globalization of intellectual property rights: Four learned lessons and four thesis. *Journal of Global Policy* 1 (2): 137–149.
- Avksentiev, Nikolay, Ardashkin, Igor, Bakvenie, Tatiana et al. 2021. *Economics and economic policy in the context of a pandemic*. Kudrin A. L. (ed.). Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ. (In Russian)
- Barabanov, Oleg, Bordachev, Timofey, Lisovolik, Yaroslav, Lukyanov, Fedor, Sushentsov, Andrey, Timofeev, Ivan. 2018. *Life in a crumbling world*. Moscow, Fond razvitiia i podderzhki mezhdunarodnogo kluba "Valdai" Publ. (In Russian)
- Belov, Valery A. 2022. *Commentary on the draft EU Directive "On online intermediate platforms" with translation*. Moscow, M-Logos Publ. Available at: https://m-lawbooks.ru/product/belov-v-a-komentarij-k-proektu-direktivy-evropejskogo-soyuza-ob-onlajn-posrednichestvah-platformah-s-perevodom/?utm_source=ip_club%2C+vkontakte&utm_term=ip%2Bclub&utm_campaign=IP_CLUB (accessed: 10.12.2022). (In Russian)
- Bellabona, Paola, Spigarelli, Francesca. 2007. Moving from Open Door to Go Global: China goes on the world stage. *International Journal of Chinese Culture and Management* 1 (1): 93–107.
- Bezrukov, Andrey, Mamonov, Mikhail, Suchkov, Maxim, Sushentsov, Andrey. 2021. *International competition and leadership in the digital environment*. Moscow, Fond razvitiia i podderzhki mezhdunarodnogo kluba "Valdai" Publ. (In Russian)
- Cheng, Chih-Yang, Chien Mei-Se, Lee, Chien-Chiang. 2021. ICT diffusion, financial development, and economic growth: an international cross-country analysis. *Economic Modelling* 94 (1): 662–671. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.02.008>
- Curtis, John M. 2012. Intellectual Property Rights and International Trade: An Overview. *CIGI Papers* 3. Centre for International Governance Innovation. Available at: https://www.cigionline.org/sites/default/files/no.3_0.pdf (accessed: 10.12.2022).

- Dietz, Thomas. 2014. *Global Order beyond Law. How Information and Communication Technologies Facilitate Relational Contracting in International Trade*. Oxford; Portland, Hart Publishing.
- Entin, Vladimir Lvovich. 2018. *Intellectual property in the law of the European Union*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Filonova, Irina R. 2020. Legal regulation of lobbying in the Russian Federation. *Molodoi uchenyi* 25 (315): 309–311. (In Russian)
- Helleiner, Eric. 2019. Varieties of American neomercantilism. *European Review of International Studies* 6 (3): 7–29.
- Jenkins, Jesse D., Mayfield, Erin N., Farbes, Jamil, Jones, Ryan, Patankar, Neha, Xu, Qingyu, Schivley, Greg. 2022. *Preliminary Report: The Climate and Energy Impacts of the Inflation Reduction Act of 2022. REPEAT Project*. Princeton, New Jersey, August 2022. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6992940>
- Kane, Gerald C., Alavi, Maryam, Labianca, Giuseppe, Borgatti, Steve. 2014. What's Different About Social Media Networks? A Framework and Research Agenda. *MIS Quarterly* 38 (1): 275–304.
- Karpova, Natalia Nikolaevna. 2012. Intellectual property and the WTO. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* 13 (2): 16–26. (In Russian)
- Kastells, Manuel. 2000. *The Information Age: Economics, Society and Culture*. MoscowGosudarstvennyi universitet Vysshiaia shkola ekonomiki Publ. (In Russian)
- Khalin, Vladimir, Terekhov, Andrey, Tkachenko, Stanislav, Yurkov, Alexander. 2018. Software engineering education for ensuring Russia's priorities in the digital economy. *Proceedings of the 2018 Workshop on PhD Software Engineering Education, SWEPhD 2018*. 2256.
- Khanna, Ro. 2023. The new industrial age. *Foreign Affairs* 102 (1): 141–154.
- Kurashova, Anastasia. 2022. The market share of Russian office software may grow from 12 % to 82 % by 2027. *Vedomosti*. August 15th. Available at: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2022/08/15/936137-dolya-rossiiskogo-ofisnogo-virasti> (accessed: 10.12.2022). (In Russian)
- Li, Fei. 2022. Disconnected in a pandemic: COVID-19 outcomes and the digital divide in the United States. *Health & Place* 77 (40). <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2022.102867>
- Litchfield, Ian, Shukla, David, Greenfield, Sheila. 2021. Impact of COVID-19 on the digital divide: a rapid review. *BMJ Open* 11: e053440. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2021-053440>
- Lomanov, Alexander V. 2021. Circulation against isolation. China responded strategically to the West. *Rossia v global'noi politike* 19 (3): 8–20. (In Russian)
- Lugmanov, Radik R. 2022. *Information duties arising from the principle of good faith. Legal and economic analysis*. Moscow, M-Logos Publ. (In Russian)
- Mesenbourg, Thomas L. 2001. Measuring the Digital Economy. *US Bureau of the Census, Suitland* 1: 1–19. Available at: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/umdigital.pdf> (accessed: 01.06.2018).
- Morais Carvalho, Jorge. 2019. *Sale of Goods and Supply of Digital Content and Digital Services – Overview of Directives 2019/770 and 2019/771* (July 18, 2019). Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3428550 (accessed: 10.12.2022).
- Savanets, Liudmyla M., Stakhyra, Anna M. 2020. New EU legislative instruments concerning contracts for the sale of goods and supply of digital content. *Pravovedenie* 64 (2): 222–244. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.202> (In Russian)
- Schwab, Klaus. 2016. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva: World Economic Forum.
- Schulze, Reiner. 2020. Characteristics of modern European contract law. *Pravovedenie* 64 (2): 201–221. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.201>
- Schumpeter, Joseph A. 1995. *Capitalism, socialism and democracy*. Moscow, Ekonomika Publ. (In Russian)
- Sénéchal, Juliette. 2019. French Law on Online Platforms and Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platform: Common or Divergent Approaches?'. *Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms. Commentary*. Busch C. (ed.). Krakow, JUP: 235–256.
- Shugurov, Mark V. 2019. The EAEU: the dynamics of integration in the field of intellectual property in the context of digital transformations. *International Law and International Organizations* (3): 1–23. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2019.3.30405> (In Russian)
- Tan, Barney, Pan, Shan L., Lu, Xianghua, Huang, Lihua. 2015. The Role of IS Capabilities in the Development of Multi-Sided Platforms: The Digital Ecosystem Strategy of Alibaba. com. *Journal of the Association for Information Systems* 16 (4): 248–280.

- Tapscott, Don. 1994. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York, McGraw Hill.
- Terekhov, Andrey N., Tkachenko, Stanislav L. 2019. *The Political economy of information and communication technologies: Russia's place in the global market*. Moscow, HSE Publishing House. (In Russian)
- Tkachenko, Stanislav L. 2015. *Monitoring the development of democracy: monitoring elections and referendums*. St. Petersburg, Secretariat of the IPA CIS Council. (In Russian)
- Tkachenko, Stanislav L. 2021. *The political economy of development and the establishment of democratic institutions*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Tkachenko, Stanislav L., Coyle, William. 2020. BRICS and a new model of hegemonic stability. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations* 13 (3): 294–309. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.301> (In Russian)
- Toffler, Alvin. 2004. *The Third Wave*. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- Yudina, Tamara N. 2019. Digital segment of the real economy: digital economy in the context of analog economy. *π-Economy* 12 (2): 7–18. <https://doi.org/10.18721/JE.12201>
- Youngs, Gillian. 2007. *Global Political Economy in the Information Age: Power and inequality*. London. New York, Routledge.
- Voitenko, Eduard. 2018. Lobbying in Russia requires clear rules of the game. *BCG Total Communications*. January 11th. Available at: <http://b-c-g.ru/news/yeduard-voytenko-dlya-lobbizma-v-rossii> (accessed: 10.12.2022). (In Russian)
- Voskresensky, Alexey D., Kuznetsov, Denis A. (ed.). 2021. *The logic of the new world-building architecture and the strategy of the powers*. Moscow, Strategicheskie izyskaniiia Publ. (In Russian)
- Weber, Steve, Bussell, Jennifer. 2005. Will Information Technologies Reshape the North-South Asymmetry of Power in the Global Political Economy. *Studies in Comparative International Development* 40 (2): 62–84.
- Williams, Luyanda Dube. 2021. Concepts of Digital Economy and Industry 4.0 in Intelligent and information systems. *International Journal of Intelligent Networks* 2: 122–129.
- Wriston, Walter B. 1997. Bits, Bytes, and Diplomacy. The Third Technological Revolution. *Foreign Affairs* 76 (5): 172–182.

Received: February 5, 2024
Accepted: December 27, 2024

Anton D. Rudokvas — Dr. Sci. in Law, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-5905-6058>, a.rudokvas@spbu.ru

Andrey N. Terekhov — Dr. Sci. in Physics and Mathematics, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0003-2648-9097>, a.terekhov@spbu.ru

Stanislav L. Tkachenko — Dr. Sci. in Economics, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0003-4668-0198>, s.tkachenko@spbu.ru